

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР БРИТАНИИ

ТАЙНАЯ

▪ МАТЬ ▪

ШАЛИНИ БОЛАНД

Москва
2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Б79

Shalini Boland
THE SECRET MOTHER

Copyright © Shalini Boland, 2017

Разработка серии А. Саукова, Ф. Барбышева
Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

Боланд, Шалини.

Б79 Тайная мать / Шалини Боланд; [пер. с англ. Н. В. Екимовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Национальный бестселлер Британии).

ISBN 978-5-04-101310-3

Тонкий психологизм. Абсолютная подлинность. Пронзительный и мастерский авторский стиль. Эта книга рассказывает о самой страшной потере для любой женщины — потере своих детей.

Ты моя мамочка?

Этот невинный вопрос застал Тессу Маркхэм врасплох. Вернувшись домой с работы, женщина обнаружила у себя на кухне маленького мальчика. Малыш уверен: она — его новая мама, потому что так ему сказал Ангел. Но у Тессы нет детей.

Больше нет.

Первый ребенок умер еще при родах, а второго Тесс похоронила совсем недавно. Эта трагедия буквально перевернула ее жизнь. Частые нервные срывы, депрессия, муж ушел к другой женщине. А теперь еще это таинственное появление. Приезд полиции только ухудшает ситуацию: ее небезосновательно подозревают в похищении ребенка, и Тесс вынуждена доказывать свою невиновность. Но как это сделать, если даже самые близкие люди сомневаются в ее словах? Да и сама она, похоже, больше себе не верит...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Перевод на русский язык.
Екимова Н.В., 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101310-3

Питу
Твое имя означает «скала»,
и это ты для меня и есть.
Моя скала

ГЛАВА 1 ■

Уличные фонари моргают, освещая серый тротуар в лишаях грязного снега и гладкого черного льда. Слякотные лужи жмутся к обочине, ёжась от шипящих, брызжущих колес. Я сосредоточенно гляжу себе под ноги, чтобы не упасть. Рукам было бы теплее, если б я сунула их в карманы пальто, но не могу — они нужны мне, чтобы хвататься ими за стены, заборы, стволы деревьев и фонарные столбы. Очень уж не хочется упасть. Хотя, если подумать, что такого произойдет, если я шлепнусь сейчас на льду? Ну джинсы промочу, может быть, задницу отобью... Не конец света. Бывают вещи и страшнее. Куда страшнее.

Сегодня воскресенье: неделя на последнем издыхании. Неуютная пауза перед понедельником, когда все придется начинать с начала — снова притворяться живой. Воскресенье — это черная точка на горизонте каждого моего дня, и чем больше дней проходит, тем крупнее она становится. Это воскресенье почти закончилось, и мне от этого легче, но на меня уже накатывает предчувствие следующего. Воскресенье — это день, когда я прихожу на кладбище к детям и, стоя над их могилками, глядя на камни и траву, говорю с ними, не зная, слышат они мою бессмысленную болтов-

ню или мои слова уносит ветер. Что бы ни было на дворе — палящее солнце или проливной дождь, туман или мороз, — я всегда там. Каждую неделю. Каждое воскресенье.

Ледяная жижа брызгает мне в лицо. В кожу как будто впиваются иголки. Я часто моргаю, хватаю воздух ртом. Наконец сворачиваю с широкой центральной улицы в свою боковую, узкую, где ветру особо не разгуляться. Мой путь к дому размечен яркими пятнами переполненных мусорных контейнеров, ждущих мусорщиков, которые приедут за ними завтра, чуть свет. Отворачиваюсь от окон, за которыми подмигивают и переливаются огнями рождественские елки, напоминая мне о более счастливых праздничных днях. Тех, которые у меня были раньше.

Я почти дошла.

Небольшой террасный дом в одном из северных районов Лондона, где я обитаю, стоит как раз на середине улицы. Толкаю ржавую калитку и снова отворачиваю лицо, теперь от заброшенного садика перед домом: ветер нагнал в него с улицы конфетных оберток и пакетов от чипсов, торчащих теперь между пучками травы и лохматыми кустами. Раз за разом я сую негнущиеся от холода пальцы в сумку, пока они не смыкаются наконец вокруг угловатой связки ключей. Я рада, что окажусь сейчас дома, что уйду с холода, — но все же стоит мне открыть дверь, шагнуть в немую темноту прихожей и ощутить окружающую меня пустоту, как внутри у меня все сжимается.

Хорошо хоть, что в доме тепло. Снимаю пальто, стаскиваю ботинки, бросаю сумку на стол в прихожей и щелкаю выключателем, старательно пря-

ча глаза от зеркала, чтобы не встретиться в нем взглядом со своим тоскливым отражением. Выпить бы сейчас... Я смотрю на часы — двадцать минут шестого. Рано. Значит, буду хорошей девочкой и сделаю себе горячего шоколада.

Странно, но дверь в кухню закрыта. Я даже слегка вздрагиваю — я всегда открываю ее, когда ухожу. Может, пока я входила, ее захлопнул сквозняк? Топаю через всю прихожую к кухне и у самой двери останавливаюсь как вкопанная. В щели под дверью видна полоска света. Значит, там кто-то есть. У меня перехватывает дыхание, я чувствую, как мир вокруг словно замирает на мгновение, прежде чем снова набрать ход. Неужели взломщики?

Прислушиваюсь. Из-за двери доносится голос. Детский. Как будто ребенок у меня на кухне мурлычет песенку себе под нос. Но у меня нет ребенка. Больше нет.

Медленно опускаю ручку двери и толкаю ее вперед, чувствуя, как все мое тело сковывает напряжение. Я едва дышу.

Прямо передо мной сидит маленький мальчик. У него темные волосы, он в светлых голубых джинсах и зеленом джемперке крупной вязки. Мальчику лет пять или шесть, он примостился на стуле у стола для готовки в моей кухне и напевает себе под нос знакомую песенку. Рисует: голова склонена к бумажному листу формата А4, вокруг веер цветных карандашей. Темно-синяя куртка из водоотталкивающей ткани аккуратно висит на спинке стула.

Когда я вхожу, он поднимает голову, и я вижу широко раскрытые глаза цвета шоколада. С минутой мы с ним молча рассматриваем друг друга.

— Ты — моя мама? — спрашивает малыш.

Я прикусываю губу, чувствуя, как земля начинает уходить у меня из-под ног. Чтобы не упасть, берусь рукой за столешницу.

— Здравствуй, — говорю я, чувствуя, как грудь изнутри заливают горячая волна. — Здравствуй. А ты кто же?

— Ты же знаешь. Я Гарри, — отвечает неожиданный гость. — Тебе нравится моя картинка? — Он выставляет перед собой листок, показывая мне рисунок — маленький мальчик и женщина стоят рядом с поездом. — Я еще не закончил. Времени не хватило закрасить как следует, — поясняет он.

— Очень красиво, Гарри. Это ты рядом с поездом?

— Да. — Мальчик кивает. — Это я и ты. Я нарисовал это тебе, потому что ты моя мама.

Что это, я брежу? Или я наконец-то сошла с ума? Этот малыш, такой красивый, зовет меня своей мамой. А я даже не знаю, кто он. Никогда в жизни его не видела. Крепко зажмуриваюсь, открываю глаза и снова смотрю на него. Он здесь, никуда не исчез, только вид у него уже не такой уверенный. Полная надежды улыбка померкла, лобик нахмурился. Глазки блестят слишком ярко. Такое выражение лица мне знакомо — оно всегда бывает перед слезами.

— Так-так, Гарри, — говорю я с наигранной веселостью. — Ты, значит, любишь поезда.

Его улыбка возвращается.

— Особенно паровозы. Они самые лучшие, лучше дизелей. — Его мордашка складывается в гримасу отвращения, и он подмигивает.

— А сюда ты тоже на поезде приехал? В мой дом?

— Нет. На автобусе. Хотя лучше бы на поезде, автобус такой медленный... А еще меня в нем тошнило, чуть-чуть. — Мальчик кладет листок с рисунком на стол.

— А с кем ты приехал? — спрашиваю я.

— С ангелом.

Я решаю, что ослышалась.

— С кем?

— С ангелом. Она сказала, что ты — моя мама.

— Ангел сказала?

Ребенок кивает.

Оглядываюсь — до меня вдруг доходит, что Гарри может оказаться не единственным незнакомцем в моем доме.

— Она здесь? — спрашиваю шепотом. — С тобой здесь кто-нибудь есть?

— Нет, она ушла. Она сказала мне, чтобы я рисовал и что ты скоро придешь.

Я расслабляю плечи, радуясь, что никаких больше чужаков в моем доме нет. Однако ответ на вопрос о том, кто этот маленький мальчик, так пока и не найден.

— Как вы вошли? — спрашиваю я, и тут меня посещает другая тревожная мысль — не ждет ли меня где-нибудь в доме разбитое окно?

— Через парадную дверь, конечно, глупенькая, — с улыбкой говорит малыш и закатывает глаза.

Через парадную дверь? Неужели я оставила ее открытой, когда уходила? Но я уверена, что никогда в жизни не допустила бы такой оплошности. Да что здесь вообще происходит? Надо кому-то позвонить. Властям. В полицию. Кто-то наверняка ищет этого ребенка. И они наверняка сходят с ума от беспокойства.

— Хочешь горячего шоколада, Гарри? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно обычнее. — Я как раз собиралась приготовить себе чашечку, так что...

— Шоколада с молоком? — тут же спрашивает ребенок. — Или с горячей водой? С молоком вкуснее.

Я едва сдерживаю улыбку.

— Ты прав, Гарри. Я всегда делаю его только с молоком.

— Класс! То есть да, пожалуйста, — отвечает мальчик. — Я с удовольствием выпью чашечку горячего шоколада.

У меня даже сердце заходится от такой воспитанности.

— Мне продолжать рисовать, — интересуется Гарри, — или помочь тебе? Потому что я очень хорошо умею размешивать шоколад.

— Вот это удача, — отвечаю я, — потому что я-то как раз совсем не умею размешивать шоколад, и это так здорово, что ты мне поможешь.

Широко улыбаясь, ребенок соскальзывает со стула.

Что я делаю? Я должна позвонить в полицию, немедленно. Этого мальчика где-то ищут. Но, Господи, дай мне побыть всего десять минут с этим милым малышом, который считает, что я его мама! Дай мне немного попритворяться, и я сделаю все как надо. Я уже протягиваю руку, чтобы потрепать его по макушке, но тут же отдергиваю ее. О чем я думаю? Ребенка надо вернуть его настоящей матери — она наверняка уже вне себя от горя.

Мальчик снова улыбается мне, и у меня в груди все сжимается от его улыбки.

— О'кей, — говорю я, а потом набираю полную грудь воздуха и сильно моргаю, чтобы прогнать слезы. — Сейчас будем готовить шоколад. Только я выйду на минуточку в прихожую, позвоню и вернусь. Ладно?

— Ага, ладно.

— Ты порисуй пока еще. Я скоро.

Гарри снова вскарабкивается на стул, берет темно-зеленый карандаш и с видом глубокой сосредоточенности продолжает раскрашивать рисунок. Я поворачиваюсь к нему спиной, иду в прихожую и достаю из сумки телефон. Но вместо того чтобы позвонить в полицию, набираю другой номер. В трубке раздаются два гудка.

— Тесс. — Сказано резко и настороженно.

— Привет, Скотт. Мне нужно, чтобы ты пришел.

— Что? Прямо сейчас?

— Да. Пожалуйста, это важно.

— Тесса, я совсем вымотался, да и на улице черт-те что... Я только сел чаю попить. Это не может подождать до завтра?

— Нет. — Стоя у столика в прихожей, я на миг вижу Гарри сквозь щель в приоткрытой двери. Кудрявая челка закрывает ему один глаз. Может быть, он мне снится?

— Что случилось? — Скотт задает этот вопрос таким же тоном, как всегда. На самом деле он хочет спросить: «Ну что там у тебя опять?» Потому что у меня всегда что-нибудь да не так. Я — его пострадавшая жена, у которой на повестке дня вечно какая-нибудь драма или надуманный кризис. Только теперь ему придется убедиться, что причина реальная и я ничего не выдумала.

— Не могу объяснить по телефону, слишком все странно. Приезжай сюда, сам увидишь.

Я слышу долгий тяжелый вздох.

— Дай мне двадцать минут, ладно?

— Ладно. Спасибо, Скотт. Приезжай, как только сможешь.

Мое сердце колотится, и я никак не могу понять, что происходит. У меня в доме ребенок, который заявляет, что его привел ангел. И говорит, что я его мама. Но он не мой сын. Так откуда же он взялся?

Снова делаю глубокий вдох и иду в кухню. Там тепло, радостно, уютно. Ничего похожего на обычную атмосферу одиночества.

— Можно начинать варить шоколад? — Гарри смотрит на меня сияющими глазами.

— Конечно. Сейчас достану кружки. А ты открывай пока вон тот ящик и бери оттуда самую маленькую кастрюльку, какую только сможешь найти.

Малыш тут же бежит к ящику.

— Гарри, — говорю я. — Где твои родители — мама и папа?

Он смотрит на кастрюльки в ящике.

— Гарри? — окликаю его я.

— Их здесь нет, — говорит мальчик. — Вот эта годится? — Он берет кастрюльку для молока из нержавеющей стали и показывает ее мне.

— В самый раз. — Я киваю и беру ее у него. — Ты можешь сказать мне, где живешь?

Нет ответа.

— Ты убежал из дома? Потерялся?

— Нет.

— Но где твой дом? Или ты живешь в квартире? Где она? Здесь, во Фрайерн-Барнет? В Лондоне? Недалеко от моего дома?

Ребенок хмурится и начинает смотреть на плиточный пол у себя под ногами.

— А фамилия у тебя есть? — спрашиваю я так нежно, как только могу.

Он поднимает голову и смотрит на меня, выпятив подбородок.

— Нет.

Я снова пробую разговорить его, на этот раз присев перед ним на корточки, чтобы смотреть ему прямо в глаза.

— Гарри, милый, как зовут твою маму?

— Ты моя новая мама. Теперь я буду жить здесь. — Его нижняя губка вздрагивает.

— Хорошо, милый. Не волнуйся. Давай-ка займемся шоколадом, ладно?

Гарри энергично кивает и шмыгает носом.

Легонько пожимаю его руку и выпрямляюсь. Не надо было мне звонить Скотту. И все же мне нужно, чтобы он был рядом, когда я буду звонить в полицию. Сама я не могу иметь с ними дела после всего, что было. Заранее страшусь их приезда — эти их расспросы, косые взгляды, намеки, как будто я сделала что-то плохое... А я ничего плохого не делала. Или все же делала?

И Гарри... его же заберут. А что, если родители плохо с ним обращаются? И ему придется идти в приемную семью? Тысячи разных мыслей наполняют мою голову одновременно, одна хуже другой. Но не мне решать, что с ним будет дальше. Тут я ничего не могу поделать, он ведь не мой ребенок.

У меня вообще нет детей. Больше нет.